

M. E. Kudryavtseva
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

L. M. Semyonova
Saint Petersburg State University of Economics

SOCIAL AND HUMANITARIAN ASPECTS OF BUSINESS DIGITALIZATION

Business digitalization associated with the use of artificial intelligence algorithms, along with the emerging great opportunities in many areas of the national economy, is a far-reaching change with a number of negative consequences of a social and humanitarian nature. In terms of employment of population, it results in the disappearance of a number of traditional occupations, although it stimulates the growth of self-employment. In terms of education, digitalization poses a threat to culture as a tendency to narrow specialization. In terms of business communication, it triggers the growth of hoaxes in cyberspace. Solving these problems requires an integrated approach, involving joint efforts in the fields of employment of the population, higher education, and information and communication technologies.

Digitalization, employment of the population, business communication, professional education, narrow specialization

УДК 94 (460), 088.3

М. А. Петров

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ФРАНСИСКО ФРАНКО: РЕФОРМАТОР ПОНЕВОЛЕ

Двадцатый век оказался удивительно асимметричным в отношении политического развития: его первая половина была ознаменована жестокими братоубийственными войнами, тоталитарными режимами и авторитарными диктатурами. Зато во второй половине прошлого века происходили массовые процессы демократизации в самых разных уголках планеты. В этом непростом историческом контексте Испания оказалась на самом перекрестке как трагических событий, так и новой волны демократизации. Эта пиренейская страна пережила кровавую гражданскую войну, жестокую сорокалетнюю диктатуру генерала Франко и вдруг неожиданно для всех совершила почти образцовый переход от авторитаризма к демократии. Однако такие явления не происходят на пустом месте – очевидно, что им предшествует серьезный, часто трагический опыт прошлого. Одним из таких горьких уроков для испанского народа была диктатура генерала Франко.

Прослежена траектория развития франкистского режима с момента прихода к власти до физического ухода диктатора. Особое внимание уделено изменениям в институциональной, идеологической и экономической сферах, а также отличиям режима генерала Франко от других диктаторских режимов. На основе разнообразных источников, как зарубежных, так и отечественных, показано, как эволюция режима под воздействием внешних и внутренних причин, помимо воли диктатора, привела к созданию благоприятных условий для успешного демократического транзита.

Диктатура, демократический транзит, Испания, режим, институциональные изменения, институционально обусловленный путь развития

Бывший британский премьер-министр Уинстон Черчилль однажды так высказался о режиме Франко: испанский режим отвратителен, но при Франко счастливых испанцев гораздо больше, чем счастливых русских при Сталине. В своих последующих высказываниях Черчилль заменит русских на поляков, но смысл останется тот же самый: лучше жить при франкистском авторитаризме, чем при советском тоталитаризме [1, с. 796–797]. Это

высказывание Черчилля интересно в двух отношениях. Во-первых, оно проводит водораздел между авторитаризмом и тоталитаризмом. Во-вторых, является квинтэссенцией позиции Запада по отношению к Франко: мы не будем пытаться вынудить Франко уйти, но до смены его режима не может быть и речи об интегрировании Испании в западные экономические и военные структуры. Этой формулы Запад придерживался вплоть до самой смерти диктатора. Так, Испания не была принята в ЕЭС, хотя направила просьбу о вступлении в него еще в 1962 г. Не стала Испания также и членом военного блока Запада НАТО при том что соседняя Португалия, в которой также была диктатура, была принята в НАТО без особых возражений со стороны членов альянса. Репрессивный характер франкистского режима и его ископаемый анахронизм неизменно вызывали неприятие западной общественности, что заставляло европейские правительства даже в условиях холодной войны сдержанно относиться к попыткам Испании вступить в ведущие организации Запада.

В основном Франко вменяют в заслугу следующие достижения: победу в Гражданской войне и спасение страны от «левых», отказ пропустить немецкие войска через Пиренейский полуостров для захвата британского Гибралтара во время Второй мировой войны, символическое примирение двух Испаний перезахоронением жертв гражданского конфликта в Долине Павших и проведение успешных экономических реформ после 1957 г. Главный парадокс и ирония правления Франко заключаются в том, что, будучи непреклонным противником демократии и либерализма, мятежный генерал, сам того не желая, своей институциональной политикой и своими либеральными экономическими реформами подготовил условия для успешного перехода страны к демократии. Хотелось бы отметить, что Франко сделал это невольно, неосознанно и опосредованно, где-то под влиянием обстоятельств, где-то под воздействием своего прагматичного и образованного окружения, но в итоге он стал одним из создателей почти идеального штiria, который позволил стране быстро и бескровно перейти к демократической форме правления.

Режим Франко интересен прежде всего тем, что является классическим примером авторитарного режима, прошедшего в своем развитии все стадии: от полуфашистской, полутоталитарной диктатуры до персоналистского авторитарного режима с многоукладной экономикой и активным гражданским обществом. До сих пор личность самого рулевого испанского корабля (как иногда называл себя генерал) продолжает вызывать споры. Одни считают его жестоким, недалеким и мстительным палачом, другие – спасителем страны от коммунистов, хотя преобладает смешанно-взвешенное отношение к генералу.

Франко не был прирожденным заговорщиком, и вряд ли худенький и щуплый мальчик из Ферроля, которого сверстники в насмешку называли Пакиито [2], мечтал стать на несколько десятилетий лидером крупной, но политически беспокойной европейской страны. Даже к военному мятежу 1936 г. Франко присоединился в последний момент, из-за чего заслужил прозвище «Мисс Канарские острова 1936» [3]. Фигура Франко объединяет в себе имперское прошлое страны, традиционный католицизм, граничащий с консерватизмом, изоляционистские наклонности, зачастую дремучие представления и фобии, касающиеся окружающего мира, удивительный примитивизм и наивность в объяснении сложных явлений, дотошный педантизм и общий анахронизм. Последнее качество станет постоянным свойством режима и будет со временем только усиливаться. С другой стороны, для Франко были характерны солдатская храбрость, умение принимать дерзкие нестандартные решения, природная смекалка, гибкость и способность отбросить прежние догмы, если они переставали соответствовать

требованиям момента (а точнее говоря, целям выживания его режима). Такой эклектизм позволил Франко продержаться у власти сорок лет, пережить международные бури и штормы, а также провести некоторые важные институциональные и экономические реформы.

До недавнего времени Франко рассматривался как ролевая модель в некоторых нестабильных развивающихся обществах, но в последнее время интерес к фигуре генерала ослаб благодаря тому, что для адептов авторитаризма появились новые ролевые модели, такие как покойный лидер Сингапура Ли Куан Ю. Их методы оказываются более эффективными и не требуют такой высокой цены в виде человеческих жизней и временных затрат. Сам Франко из разделяющей общество фигуры превратился в объект исследования для историков. Так как режим Франко является классическим примером авторитаризма, он позволяет понять все ограничения, издержки и упущенные возможности, связанные с авторитарной формой правления. Но поскольку при Франко были созданы необходимые предпосылки для перехода к демократии, можно сделать вывод, что классические авторитарные режимы с большей вероятностью приведут к успешному демократическому транзиту, чем тоталитарные или девиантные (отклоняющиеся от классических) авторитарные формы правления.

Существуют различные периодизации режима Франко, но в целом, его правление можно разделить на три больших временных отрезка: 1939–1945; 1945–1957; 1957–1975 гг. Это деление можно считать условным, но оно отражает основные вехи режима. Кратко эти периоды можно охарактеризовать так: первый период – время активного сотрудничества с нацистской Германией и фашистской Италией и, соответственно, идеологических заимствований у этих режимов; второй период – время изоляции и автаркии; третий период – начало институциональных и экономических реформ. Однако представляется более продуктивным рассмотреть этапы становления и взгляды самого Франко, так как они в конечном счете и определили характер, направленность и достижения самого режима.

Становление будущего генерала. Из детства будущий самый молодой генерал в Европе вынес два стойких чувства, которые повлияют на всю его последующую жизнь: ощущение горечи и разочарования от потери последних колоний Испанской империи в результате войны с Соединенными Штатами в 1898 г. и приверженность католицизму, унаследованному от матери. Франко родился в 1892 г., поэтому, когда Испания потерпела поражение в войне с США в 1898 г., шестилетний Франсиско не мог понять весь трагизм этого события, но одержимость сохранения Испанией оставшихся у нее колоний в Марокко и, по возможности, присоединения новых будет сопровождать Франко большую часть жизни. Так, во время Второй мировой войны, когда Франко был полусоюзником Гитлера, он будет стараться заручиться поддержкой фюрера в захвате французской части Марокко.

В значительной степени из-за стремления сохранить остатки империи после окончания пехотного училища Франко попросил распределение в Марокко, которое тогда было испанским протекторатом. Правда, в этом были и прагматические соображения, так как служба в Марокко являлась единственным способом для молодого офицера сделать быструю военную карьеру. Одновременно это было смелое решение, поскольку там шли боевые действия с местными племенами, и положение испанской армии вследствие ее технической отсталости было тяжелым.

В Марокко случилось чудесное превращение Франко. Хотя в военном училище он учился посредственно, в колониальной войне он проявил себя как бесстрашный и способный молодой офицер. Достаточно привести два примера. В одну из военных кампаний испанская

армия должна была высадиться на берег с моря, но корабли не могли подойти вплотную к суше, и испанские солдаты с тяжелым снаряжением становились легкой добычей противника. Посчитав, что операция провалена, командование приказало отступить. Франко, не подчинившись приказу, закрепился со своей группой на берегу, что помогло изменить ход операции и принесло испанцам победу. В другом случае Франко был серьезно ранен и выжил только благодаря военному врачу, который вопреки существовавшей практике не отправил Франко в госпиталь, а сделал операцию на месте в полевых условиях. Во время наступлений Франко всегда был в первых рядах, за что заслужил уважение как солдат, так и офицеров.

Манеру поведения Франко в Марокко можно охарактеризовать словами «слуга царю, отец солдатам». Он был одинаково требователен ко всем. Однажды Франко приказал расстрелять солдата за то, что тот в знак протеста против плохой еды выплеснул миску с супом. Но в другой раз Франко разжаловал офицера, ударившего солдата [4]. Африканский опыт окажет огромное влияние на последующую жизнь Франко, особенно на его поведение и стратегию во время Гражданской войны и в первые годы после нее. Неслучайно, вернувшись из Марокко в Испанию, Франко скажет: «Без Африки я не могу представить самого себя».

Боевые действия в Марокко отличались жестокостью с обеих сторон. В марокканских войнах практиковался захват и обмен заложниками, разграбление захваченных деревень, казни плененных врагов, добивание противника. Все эти методы потом, во время гражданской войны, будут перенесены националистами в континентальную Испанию. Жестокость националистов будет поражать даже немцев и итальянцев, воевавших на стороне армии Франко. Итальянцы будут призывать мятежников умерить свою жестокость, а немцы будут недоумевать, зачем Франко отдал приказ так беспощадно бомбить баскский город Гернику, который впоследствии стал символом жестокости франкистов (хотя именно немецкая эскадрилья «Кондор» осуществляла эту бомбардировку, пусть и по приказу Франко).

Другой особенностью стратегии Франко в Марокко было брать противника измором, то есть не вести активное наступление, а осаждать город до тех пор, пока его защитники не сдадутся. И эта стратегия также будет перенесена на Гражданскую войну в Испании: прежде чем штурмовать город, националисты подвергали его массированным бомбардировкам, причем даже в тех случаях, когда в этом не было необходимости и для взятия города было достаточно атаки пехоты.

Но наряду с этим была и другая сторона марокканского опыта Франко – ответственность перед подчиненными и верность данному слову. Это качество генерала также проявилось в годы Гражданской войны. В начале мятежа один из гарнизонов националистов оказался окружен республиканцами и в перспективе был обречен. Франко пообещал защитникам города прислать подкрепление, хотя лишних резервов у него не было. Помощь гарнизону означала изменение маршрута наступления и отсрочку штурма Мадрида как минимум на две недели. Несмотря на оппозицию со стороны командования националистов, Франко сдержал свое обещание и помог осажденному гарнизону мятежников, хотя это и стоило наступления на столицу.

От матери Франко унаследовал глубокую религиозность и католические ценности, что также повлияло на общественную и личную жизнь генерала. Так, у него не было любовниц, и он никогда не изменял своей жене. Жестокий и иногда мстительный по отношению к врагам, Франко проявлял удивительную терпимость к членам своей семьи. Один из двух братьев Франсиско, Рамон, прославился не только как бесстрашный пилот, совершивший перелет в Латинскую Америку, но и как известный анархист, боровшийся с правитель-

ством. Франко всячески пытался наставить непутевого брата на путь истинный и даже помогал ему деньгами, хотя это могло стоить ему карьеры. Каудильо проявлял тактичность и по отношению к своему отцу, с которым у него с детства не сложились отношения. Отец Франко придерживался либеральных взглядов, но при этом вел распутный образ жизни, а потом и вовсе ушел из семьи. Однако на публике Франко почти никогда не позволял себе плохо отзываться об отце. Возможно, из-за безнравственного образа жизни отца в сознании Франсиско образовалась прочная связь между либерализмом и моральной распущенностью, и отсюда появилась такая его неприязнь к либералам и масонам.

Католицизм повлиял и на восприятие Франко самого себя, позволив ему создать соответствующий ситуации имидж. Вероятно, любой диктатор вдохновляется ощущением особой миссии и незаменимостью для Отечества. Но у Франко к этому еще добавлялись и религиозные мотивы. Генерал воспринимал себя как защитника католической веры в борьбе с неверными. Под образ Франко как защитника веры была создана целая мифология. Генерал любил проводить параллели между собой и католическими королями, иногда сравнивал себя с Филиппом II. Но больше всего каудильо любил отождествлять себя с героем испанского эпоса Эль Сидом, сражавшимся против мавров. Придя к власти, Франко действительно много сделал для католической церкви и очень болезненно переживал, когда после Второго Вселенского собора церковь стала переходить в оппозицию к режиму.

Сорок лет мира, или «Воспитательная диктатура». Режим Франко выковывался в ожесточенной Гражданской войне 1936–1939 гг., причем жестокость проявлялась с обеих сторон. Неслучайно английский писатель Дж. Оруэлл, уехав воевать на стороне республиканцев, вернулся убежденным противником тоталитаризма. Военный мятеж националистов начался 18 июля 1936 г. Советская пропаганда создала немало мифов о Гражданской войне в Испании, один из которых гласил, что сигналом к организованному вооруженному выступлению послужило сообщение, переданное испанской радиостанцией в Марокко: «Над Испанией безоблачное небо». На самом деле картина была более сложной. Мятеж был организован плохо, а самому Франко в лучшем случае отводилась третья роль после генералов Санхурхо и Мола. Сам Франко долго колебался, примыкать ли к восстанию, так как крайне педантично относился к любому делу. Поведенческая стратегия Франко является блестящей иллюстрацией русской поговорки «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Он справедливо сомневался в продуманности действий и хорошем планировании со стороны мятежников, хотя бы потому, что во главе восстания был тот самый генерал Санхурхо, который уже пытался организовать неудачное свержение правительства первой республики в 1931 г. К тому же Санхурхо находился в Португалии и должен был примкнуть к восставшим позже.

Как и большинство старших офицеров, Франко присоединился к восстанию не из-за ненависти к республике, а из-за волны беззакония и насилия, которые охватили страну при республиканцах. Последним аргументом для Франко в пользу участия в мятеже стало убийство среди бела дня видного деятеля монархистов Кальво Сотело и то, как республиканское правительство закрыло глаза на это преступление, поскольку анархисты, совершившие его, были для республиканцев «социально близкими».

Для восставших Франко был ценным активом по двум причинам. Во-первых, он имел большой боевой опыт, а во-вторых, он гарантированно приводил с собой в «боевую копилку» националистов два хорошо обученных и лично им подготовленных марокканских гарнизона (Иностранный легион и регулярные части). Также Франко первым наладил военные

контакты с немцами и итальянцами и в нескольких случаях проявил себя как дерзкий и находчивый полководец. В начале войны к удивлению националистов выяснилось, что флот остался на стороне законного правительства, что делало невозможным переправку марокканских легионов Франко в материковую Испанию. Сначала генерал распорядился перебрасывать войска на самолетах, что было крайне медленно. Затем Франко предложил попробовать перевезти солдат на корабле под прикрытием авиации. Такой шаг, граничащий с дерзостью, застал республиканцев врасплох, хотя на море у них было преимущество. Можно сказать, что без Франко националисты вряд ли сумели бы одержать победу в войне.

Националистическое восстание 18 июля является не столько личной инициативой генерала Франко, сколько следствием расколотов и все более поляризующейся политической культуры испанского общества. Крайними проявлениями этого раскола стали фашистская Испанская фаланга справа и анархисты слева. Существовавшая в Испании модель управления не могла разрешить противоречия, и в этих условиях даже свободные выборы 1936 г. лишь закрепили существовавший глубокий раскол в обществе, приведя к власти левых республиканцев, которые поощряли антиклерикализм и безнаказанные нападения на представителей правых сил. По этой причине режим, возникший в Испании после Гражданской войны, было бы неверно называть фашистским, как это делала советская пропаганда. Правильнее было бы назвать режим Франко традиционно-охранительным правым режимом, хотя в нем присутствовали некоторые декоративные элементы фашистской идеологии.

Франко намеренно избежал чрезмерного крена в национал-социализм и сделал основой своего режима консервативные ценности, католицизм и корпоративизм. Жестокими и зачастую чрезмерными и неоправданными репрессиями против побежденных левых каудильо удалось заменить анархистские и левацкие настроения левого спектра апатией к политике и потерей интереса к общественной жизни, что способствовало преодолению идеологического раскола и в будущем играло на руку демократическим переменам. Режим Франко вписывался в рамки общественной системы, которую русский ученый И. А. Ильин называл «воспитательной диктатурой» [5]. Франко не только практически уничтожил крайне левые силы, но не позволял существования «партийного пиршества» и в своих рядах.

Единственно разрешенной партией было Национальное движение – зонтичная организация, в которую под эгидой Фаланги были инкорпорированы основные политические силы режима – фалангисты, монархисты и карлисты (сторонники монархии). Однако Франко выхолостил идеологическое содержание Фаланги и оставил лишь ее внешнюю сторону – форму (синие рубашки), приветствия (поднятая рука), а также возможность организовывать митинги в свою поддержку. Хотя каудильо и водрузил на идеологический постамент основателя Фаланги Хосе Антонио Примо де Риверу, в годы войны Франко ничего не сделал, чтобы спасти его из республиканского плена. Позже Примо де Риверу был расстрелян республиканскими властями. Судьба последующих лидеров Фаланги не менее показательна. Как только они пытались придать реальный политический вес своей организации, Франко тут же либо помещал их в тюрьму (как в случае с Мануэлем Эдильей), либо смещал с должности (как в случае с Арресе).

Генерал не хотел себя связывать с какой-то одной политической силой и попадать от нее в зависимость. Фаланга с ее фашистской риторикой была нужна Франко, только чтобы уравновесить военных и монархистов. Обыкновенно прагматичный каудильо искусственно стравливал эти политические силы, чтобы потом вмешаться в качестве арбитра, что характерно для авторитарных режимов персоналистского типа. Благодаря зачистке крайне левого спектра пар-

тийного поля к моменту начала демократических преобразований в середине семидесятых в стране уже не было традиционного раскола на правых и левых, а существовал новый политический ландшафт, в котором все политические силы проявляли умеренность и были готовы к компромиссу. Наиболее показательна в этом отношении трансформация Фелипе Гонсалеса, который из левого бунтаря превратился в консенсусного политика, сумевшего привести социалистическую партию к победе на выборах и обеспечившего политическую стабильность и экономическое процветание страны во время своего правления.

Можно возразить, что умеренность испанского общества, приписываемая Франко, была достигнута не политическими, а репрессивными методами путем устранения левых из политического поля. Однако Франко насильственно устранил только ту часть левого спектра, которая сама была склонной к насилию. По наблюдению Хавьера Туссея, во время Второй Республики правые были гораздо более склонны к соблюдению законности, чем левые, а сам Франко был более законопослушным, чем председатель правительства Мануэль Асанья [6, с. 217]. Отсюда постфранкистскую реальность лучше интерпретировать не как победу правых над левыми, а как реванш сил, олицетворяющих консервативные и легалистские ценности.

Также режим Франко ни на одном из этапов своего развития не был тоталитарным. Даже в годы гражданской войны Франко не имел абсолютной власти, что видно из следующего примера. Сын республиканского генерала Миахи попал в плен к националистам и позже был отпущен. Когда Франко узнал об этом, он приказал отправить дело на следствие, но новое решение суда опять оказалось мягким и не устроило генерала. Тогда Франко потребовал провести еще одно заседание суда по делу Миахи, и только с третьего раза суд постановил поместить сына республиканского генерала в лагерь. Позже Миаха все равно был выпущен на свободу в результате обмена заключенными. Также Франко не мог расправиться с неудобным епископом Сегурой, который в своих проповедях подвергал критике его режим, а однажды на торжественном приеме отказался позволить жене Франко занять место, отведенное для королей. Даже когда некоторые из ближайших генералов Франко пытались его сместить (как, например, Кинделан), их не расстреливали, как было бы при тоталитарном режиме, а либо отправляли в почетную ссылку, либо понижали в должности.

Институциональные инновации Франко. Принято считать, что у Франко не было идеологии, кроме антикоммунизма и антилиберализма. К этому еще можно добавить ненависть генерала к масонам, которых он обыкновенно любил винить во всех бедах страны. Сложно сказать, действительно ли генерал верил в масонские заговоры или для него это было просто упражнением в софистике. Гораздо более важной составляющей для Франко была не идеология, а институты, и поэтому сразу после окончания гражданской войны генерал принялся создавать институциональное обрамление своего режима, чтобы, как он выражался, избежать ошибки Примо де Риверы. По мнению Франко, последний недостаточно уделял внимание институтам и поэтому потерял власть. Идеологической основой своего режима Франко сделал Испанскую Фалангу, которая вместе с другими партиями образовала Национальное Движение – единственную в стране разрешенную политическую партию.

По своим программным целям и установкам Фаланга была аналогом фашистских партий в Италии и Германии. На деле власть Фаланги не простиралась дальше ее программных заявлений, и, в отличие от фашистских партий стран Оси, Фаланга никогда не смогла узурпировать власть государства и занять доминирующее положение. Политически слабая Фаланга вполне устраивала Франко, так как не могла бросить ему вызов, и в то же время была хоро-

шим противовесом более реальным игрокам – армии и монархистам. Так генерал уравновесил основные конкурирующие «семьи» своего режима. С военными Франко поступал не так, как с фалангистами. В отличие от Фаланги, армия располагала реальной силой и могла представлять определенную угрозу для каудильо. Здесь тактика генерала была такая: не позволять армии крепнуть как институту, а инкорпорировать в режим отдельных ее представителей, что делало их лично зависимыми от Франко.

Не забывал Франко и про младший и средний офицерский состав. Известно, что мятеж 1936 г. поддержали в основном младшие и средние офицеры, тогда как генералитет в своей массе остался верен Республике. Имея это в виду, Франко повысил до офицерских званий добровольцев, воевавших на стороне националистов, обеспечив себе лояльность младшего и среднего состава. За все время правления Франко армия только один раз бросила ему вызов, направив генералу в 1943 г. вежливое письмо с просьбой ввести институт монархии в стране. Франко, как и в случае с армейскими назначениями, решил эту проблему индивидуально, проведя с подписантами (не более двух-трех человек за раз) разъяснительную работу, после чего многие из авторов письма отозвали свои подписи. Авторитарные рамки франкистского режима оставляли определенный зазор для «незапланированной» деятельности и армии, и Фаланги, но так как это не несло в себе угрозы для режима, Франко почти не применял репрессий. Самых упрямых и несговорчивых, как, например, генерал Кинделан, в худшем случае ждала почетная ссылка.

В экономической жизни институциональным введением Франко были вертикальные профсоюзы, которые объединяли и рабочих, и предпринимателей, что должно было минимизировать трудовые конфликты. В политической жизни самым важным институтом, восстановленным Франко, была монархия, упраздненная в 1931 г. Уникальность этого института состояла в том, что он должен был обрести силу после смерти генералиссимуса. Можно сказать, что именно этот шаг способствовал будущим демократическим преобразованиям в стране. И дело здесь не только в фигуре Хуана Карлоса, который сыграл ключевую роль в демонтаже франкизма, а в самом значении монархии для испанцев, так как это был единственный на тот момент институт, способный объединить расколотое войной испанское общество и обладающий потенциалом легитимности.

Конечно, Франко мыслил роль монархии в постфранкистской Испании по-другому, но тем не менее он предвидел определенную автономию Хуана Карлоса. Однажды будущий король поинтересовался у диктатора, почему тот не дает ему советов, как управлять страной. На это Франко вполне реалистично ответил: все равно ты не сможешь делать это, как я. Таким образом, институциональный дизайн Франко не только охватывал настоящее, но и был устремлен в будущее, решая проблему преемника – ахиллесову пяту авторитарных режимов. В этом вопросе Франко проявил известную дальновидность и вместо создания своего политического клона пошел дальше, воссоздав институт, который сможет объединить нацию после физического ухода диктатора.

Франко – идеолог. Хотя режим Франко известен своей аполитичностью, диктатору принадлежат несколько идеологических мемов (как мы назвали бы их сегодня, в век Интернета), которые стали классикой авторитаризма. Возможно, некоторые из них были почерпнуты у Муссолини и Гитлера, но в любом случае были развиты дальше самим диктатором. Например, Франко первым начал придумывать «демократии с прилагательными» [7]. Так, для Испании диктатор разработал термин «органическая демократия» в противовес

традиционной западной демократии. Также в духе некоторых философов каудильо любил рассуждать о духовности Испании и бездуховном материализме Запада. Однако это не мешало Франко рассматривать Испанию в системе западных координат и отводить ей одно из первых мест в борьбе с коммунизмом. Не случайно Франко называл Испанию форпостом западной цивилизации, а себя – часовым Запада.

Суть всех этих идеологических изысков состояла в том, чтобы умело играть на противоречиях Запада и Советского Союза и выторговать для себя более выгодную сделку с Западом. В большинстве случаев каудильо использовал идеологию в утилитарных целях, просто чтобы оправдать промахи или недальновидное поведение своего режима. Так, в годы Второй мировой войны, когда стал очевиден крах фашизма, Франко стал развивать теорию о двух, а потом и о трех войнах. По мысли Франко, в Европе шли две войны: одна между Англией и Германией, другая между Западом и СССР. Отсюда напрашивался вывод, что война между Западом и Германией является стратегической ошибкой, которую необходимо исправить, объединившись против Советского Союза.

К другим идейным новациям генералиссимуса можно отнести популяризацию риторики осажденной крепости в период автаркии и постоянное апеллирование к испанской истории в поисках ролевых моделей для испанского общества. Многие из этих идеологических новшеств, впервые опробованных во франкистской Испании, до сих пор активно продолжают использоваться недемократическими режимами во всем мире. Так что можно сказать, что Франко внес существенный вклад в идеологическую копилку авторитаризма. К сожалению, тема примирения двух Испаний не нашла своего места в этой идеологической феерии франкизма. Примирив победителей и побежденных символически, диктатор до конца жизни продолжал делить страну на врагов и защитников Отечества. Однако в отличие от тоталитарных обществ идеология для Франко была не системообразующим элементом, а лишь инструментом для оправдания своей политики или объяснения своих ошибок, поэтому Франко так легко расставался со старыми, изжившими себя идеями, и переходил к новым.

Франко – экономист. Политика автаркии, которую каудильо проводил 20 лет, окончательно завела страну в тупик. К этому времени Франко было уже за семьдесят – возраст, не самый подходящий для экономических экспериментов. Тем не менее генералиссимус решился на проведение либеральных экономических реформ, при том, что у самого Франко были очень ограниченные знания в этой сфере. Впечатляющие результаты перехода Испании к рынку подробно описаны в литературе и признаются даже противниками Франко. Достаточно сказать, что Испания вышла из состояния отсталости и стала приближаться по многим показателям к развитым странам. Также впервые за всю историю государство начало тратить больше на образование, чем на армию. Интересно отметить, что и советские исследователи также отмечали успехи испанских экономических реформ. Так что здесь вопрос заключается не в признании экономической политики Франко, а в ее интерпретации.

Франко часто отказывают в авторстве этих реформ, исходя из того факта, что каудильо, имеющий только военное образование, мало что смыслил в экономике. В качестве возражения можно привести два довода. Во-первых, без согласия и одобрения Франко сама по себе экономическая либерализация никогда бы не началась. Известно немало случаев, когда диктаторы до конца своей жизни или карьеры придерживались однажды выбранной экономической стратегии, какой бы неудачной и разрушительной для страны она ни была. Примеры – лидер соседней Португалии Салазар или президент Зимбабве Мугабе. Для Франко было настоящим подвигом,

что он смог отойти от прежних догм и пуститься в плавание с неизвестным исходом, пусть и из прагматических соображений политического выживания.

Во-вторых, генералиссимус не только дал личное одобрение реформам, но сам выбрал двух из трех реформаторов, которым суждено было сыграть ключевую роль в экономической трансформации Испании. И наконец, во всех внутриэлитных столкновениях Франко неизменно принимал сторону реформаторов. Главным результатом либерализации стал выход Испании из бедности и появление массового среднего класса – основного драйвера демократических преобразований.

Ловушка для диктаторов. Когда в политической науке говорят о становлении демократических режимов, очень часто употребляют по отношению к ним выражения «институционально обусловленный путь развития» или «период ковкости» [8, с. 13]. Это подразумевает, что на первоначальном этапе демократическое правительство может действовать относительно свободно в способе принятия конституции, выработке межпартийных соглашений, организации внутривластной системы, выборе формы правления (президентская или парламентская) и т. д. Впоследствии сформировавшиеся и окрепшие институты уже сами будут определять и серьезно ограничивать поведение акторов, и возможности для изменения системы будут серьезно сужаться. Однако то же самое справедливо и для авторитарных режимов. Сначала их лидеры действуют какдемиурги новой системы, но потом, когда они получают определенный политический расклад и связывают себя с определенными силами, сами становятся заложниками своей системы.

Франко и здесь оказался прозорливее остальных диктаторов и максимально обезопасил себя от влияния других сил. Он отдалил от себя единственную организованную силу – армию – и, наоборот, приблизил слабую и непопулярную Фалангу, уравновесив эти две силы. Более того, начав проводить экономические реформы, Франко, сам того не желая, сделал доминирующей силой в обществе средний класс, который является своего рода поставщиком кадров для гражданского общества. И все-таки даже Франко не удалось избежать зависимости от институциональной направляющей как политически, так и физически.

В конце своей долгой жизни генерал тяжело болел, испытывая серьезные физические страдания. Врачи, искусственно поддерживавшие его жизнь, настаивали на том, чтобы позволить Франко спокойно уйти из жизни, но такой исход не устраивал зятя генерала. Понимая, что время не на стороне бункера (так называли самых ортодоксальных франкистов), он хотел, чтобы Франко любой ценой оставался живым до проведения новых выборов в парламент, так как для бункера это была единственная возможность сохранить большинство и продлить свою власть. Наконец, дочь Франко приказала отключить оборудование, и генералу была дана возможность достойно уйти из жизни.

Не смог Франко обезопасить свой режим и политически. Когда каудильо назначал своим официальным преемником Хуана Карлоса, он, конечно, понимал, что последний отклонится от намеченной Франко политической траектории. Однако вряд ли каудильо мог предположить, что молодой король не только отклонится от авторитарного маршрута, но и изменит его на демократический. В конечном счете, любой диктатор еще в большей степени, чем демократический лидер, становится заложником созданной им институциональной системы, и завершение франкизма с физическим уходом его основателя служит наглядным примером тому.

Испания является демократической страной, которая с политической и экономической периферии Европы перешла в число современных развитых государств. Однако без инсти-

туциональной и экономической политики генерала Франко траектория пути Испании к демократии была бы, скорее всего, другая – более мучительная и более запутанная. Сегодня, восхищаясь и ставя в пример достижения Испании, наверное, не стоит забывать, что в этом есть определенный вклад мятежного генерала Франсиско Франко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Preston P. Franco. London: HarperCollins E-Books, 1993.
2. Franco, ese hombre. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/spanish/specials/newsid_4438000/4438442.stm (дата обращения: 01.02.2018).
3. Centenario de Franco // ABC. 1992. 3 de diciembre.
4. Пидлуцкий А. Франсиско Франко: непобежденный генералиссимус // Зеркало недели. № 36. URL: <http://www.zerkalo-nedeli.com/> (дата обращения: 11.01.2017).
5. Бирюков С. В. Франсиско Франко: уроки для демократии и для России // Рус. журн. URL: <http://www.russ.ru/politics/20030227-bir.html/> (дата обращения: 11.01.2017).
6. Payne St. G. Spain: A Unique History. Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 2011.
7. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999.
8. Gunther R., Montero J. R., Botella J. Democracy in modern Spain. New Haven: Yale Univ. Press, 2004.

M. A. Petrov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The twentieth century turned out to be surprisingly asymmetrical in terms of political events: its first half was marked by cruel fratricidal wars, totalitarian regimes and authoritarian dictatorships. At the same time the second half of the past century witnessed a massive democratization process in various parts of the world. Spain happened to be at the very crossroads of those tragic events and of the new democratic wave against that complicated historical background. This Pyrenean country suffered from the bloody Civil War, endured brutal General Franco's dictatorship that lasted almost 40 years, and then suddenly made a model transition from authoritarianism to democracy. However, such phenomena do not take place without a serious reason. Obviously they are preceded by serious, and often tragic, past experience. General Franco's dictatorship proved to be one of those bitter lessons for Spanish people. The article tracks down the path of the Francoist regime from the seizure of power to the physical death of the dictator. The author highlights changes in institutional, ideological and economic spheres of the regime, emphasizing Francoist differences from other dictatorships at the same time. Relying on papers by Russian and foreign experts, the author suggests that the regime's transformation was influenced both by external and domestic factors, beyond Franco's will, and it led to the emergence of some significant opportunities necessary for a successful democratic transition.

Dictatorship, democratic transition, Spain, regime, institutional changes, institutional path dependence